

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА

УДК 94

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ Первая мировая война в представлении наших современников

Сто лет с начала Первой мировой войны служат хорошим поводом вспомнить и осмыслить ее значение в истории Европы и всего мира. Наш журнал «Идеи и идеалы» обратился к этой теме четыре года назад, начиная с круглого стола «Первая мировая война как культурная катастрофа». Настоящая публикация – попытка показать, как отражается событие, тотально повлиявшее на ход истории в сознании наших современников. Представлено 11 кратких интервью жителей четырех стран: России, Австрии, Венгрии и Германии – стран – участниц Первой мировой, но в составе трех империй, на дальнейшую судьбу которых эта война оказала наиболее заметное влияние в Европе.

Ключевые слова: Первая мировая война, память о Первой мировой, потерянное поколение, культурный надрыв.

Для интервью было подготовлено три вопроса: *1. Так получилось, что Первая мировая война оказалась в тени последующих событий: Революции в России и в Европе и Второй мировой войны. Какая память о Первой мировой войне сохраняется у наших современников и почему именно такая? 2. Почему после Первой мировой войны появилось так называемое «потерянное поколение», а после Второй мировой – нет? 3. Можно ли говорить о том, что именно Первая мировая война сломала представление о неуклонном росте европейской цивилизации в области нравственности и гуманизма?*

Третий вопрос получил наименьшее освещение, так как ускоренный формат опроса не всегда давал возможность философского осмысления темы. Первые три ответа – это устные интервью, остальные – письменные ответы на заданные вопросы, поэтому заметно отличается их стиль.

Добровольский Анатолий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Си-

бирского государственного университета путей сообщения.

Я считаю, что действительно советская история напрочь заслонила события Первой мировой войны, хотя вот этот год, посвященный столетию Первой мировой, в какой-то мере способствует тому, что мы начинаем для себя открывать ее неизвестные страницы. Для себя я обнаружил лет пять назад, что были в нашем городе герои той войны. Когда мы делали книгу «Новосибирцы – герои Отечества», поступило предложение оргкомитета включить в число героев и наших земляков, которые стали полными георгиевскими кавалерами. Мы действительно знаем Петра Щетинкина, улица имени которого есть в Новосибирске, где-то – Баранова, но в основном герои Первой мировой войны остались безывестными. А вот, например, есть крепость Осовец, о которой сейчас студенты обнаруживают, что было что-то наподобие Брестской крепости в

Первой мировой, когда защитников крепости травили химическим оружием; она стояла на западных рубежах, долго держалась.

Иногда вспоминают Брусиловский прорыв, который знаменит. Вот, пожалуй, и все познания наших современников о Первой мировой войне. А на самом деле там много героических страниц. Конечно, это была другая война, чем Великая отечественная, но ведь с точки зрения простого человека, с точки зрения солдата это была великая война, в которой они самоотверженно защищали свое отечество.

Первая мировая война показала и бездарность императорского дома, который и принял на себя всю ответственность, и Николай II стал главнокомандующим – и ничего не сделал. Это период расцвета распутищины, с которым решили расправиться представители интеллигенции, которые понимали, что Россия зашла в никуда. И это, по сути дела, прекращение всех культурных связей, которые можно было осуществлять. И очень много погибло людей, настоящих интеллигентов, на фронте. И на самом деле она усугубила те процессы, которые происходили в России. То, что она стала предтечей революции 1917 года – это неопровержимый факт.

Дамешек Лев Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета.

Я думаю, что факт забвения Первой мировой войны – как ее истории, так и участия в ней России – отрицать невозможно. Мне кажется, что это прежде всего политическое наслоение успешней эпохи, потому что Ленин выступал за поражение России в войне: дескать, постыдная, позорная, империалистическая, что ее изучать? Хотя на

самом деле любая война, а тем более мировая – это же колоссальное бедствие. Россия положила там миллионы жизней. В результате войны произошли колоссальные катаклизмы, и мы в определенной мере до сих пор отмечаем их последствия. Изучать войну, конечно, нужно, и сам факт проведения сибирской конференции заслуживает всяческой поддержки.

К сожалению, сейчас память о той войне ощущается мало. Но мы в Иркутске стараемся эту память поддерживать. Например, отреставрировали церковь привокзальную, через которую проходили войска, эшелоны. «Прощание славянки» всегда играли и прочее. Мы проводим целый ряд мероприятий, публикаций, посвященных этой дате. Это нужно, конечно, делать. Но, знаете, гуманитарные науки – это же не физика, где открыл закон какой-то, провел эксперимент – и всё совершенно ясно. А здесь требуется и немало времени, чтобы уяснить, что значило для России участие в Первой мировой войне.

Казаков Евгений Эдуардович, доктор исторических наук, профессор, ректор Русско-немецкого университета.

Если касаться Сибири, сибирского региона, то Первая мировая война живет в памяти только захоронениями, потому что заходим в Центральный парк, а там лежат эти все военнопленные Первой мировой войны. Это же кладбище бывшее. Конечно, их там не видно под качелями. Вообще, если спрашивать школьников, то они ничего не знают. Студенты могут вспомнить только какие-то эпизоды из каких-то фильмов, посвященных *челму-то*: Октябрю, какой-то войне и т. д. После фильма «Колчак» вспомнили, что был такой Колчак, и что он не только враг, но и ученый, географ. А поскольку Колчак набрал в Сибирь

ри 400 тысяч под штыки, и не только из кулачества, но и бедняки были, конечно, насильно вовлечены в колчаковскую армию, то среди колчаковцев это было более запоминающимся. Но это было после Первой мировой войны, 19-й год и т. д. А что касается Первой мировой, то конечно, это забытая неизвестная война. И надо сказать, что когда мы преподавали курс истории нашей страны, в Институте повышения квалификации делали учебник, трехтомник «История России», — и там тоже мы ее обобщили. Она, эта Первая мировая, какая-то прозрачная; как будто что-то было, а что — никто толком не помнит. Но что помнится — это то, что было много героев и кавалеров георгиевских крестов. Вот, допустим, мой дед с Волги был участником Первой мировой войны, полный кавалер георгиевских крестов. В Поволжье голод когда начался, они продавали эти георгиевские кресты и на вырученные деньги жили.

Я в Германии смотрел все учебники как историк. Германцы-то тоже ничего не знают, школьники-то тем более — ни про Первую, ни про Вторую. По сравнению с ними мы очень грамотные. А в учебниках германских это подается все крайне ограниченно, не только в школьных, но и в учебниках для студентов. Это же понятно: они проиграли, а какой народ хочет помнить о проигрыше? А потом — все эти трагедии, все эти выплаты, контрибуции... Это боль. Ведь им запрещено было армию создавать. Если представить, что в России сейчас запрещено армию создавать... это даже в страшном сне не приснится. Что потом, понятно, и вылилось во Вторую мировую как мщение за Первую. Это стыд народа, который хотели постараться спрятать, завуалировать и забыть.

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России гуманитарного факультета НГУ.

Поскольку война породила социальный катаклизм 1917–1920 гг., а отношение к ней пришедших к власти большевиков было изначально негативным (империалистическая и захватническая), ее история вплоть до начала 1990-х гг. разрабатывалась фрагментарно. Так, в контексте социальной истории Первую мировую войну начали разрабатывать с целью выявления предпосылок для свержения самодержавия. Своеобразной «матрицей» вплоть до 1990-х гг. стала первая глава первого тома «Истории гражданской войны в СССР» (1935), в которой эти предпосылки перечислялись: захватнический характер военного конфликта; неподготовленность армии и страны в целом; военные поражения; экономический кризис; резкое ухудшение положения основной части населения; активизация стачечной борьбы пролетариата; политический кризис и окончательное банкротство самодержавия.

Соответственно, для большей части россиян война оставалась неизвестным сюжетом отечественной истории. В 1993 г. из 500 опрошенных читателей популярно-исторического журнала «Родина» лишь 6,6 % решились ответить, что Первая мировая война для них является более или менее известной (Родина. 1993. № 8–9. С. 6).

Первая мировая война для Европы, включая Россию, переросла в затяжной экономический кризис, апогеем которого стала «черная пятница» 1929 года. Поэтому вернувшиеся с фронта оказались не удел. Их положение и ощущения, на мой взгляд, хорошо переданы у Э. Ремарка в «Черном обелиске». Применительно к ситуации по-

сле мая 1945 г. благодаря американским инвестициям (план Маршалла) европейские страны, включая ФРГ, активно развивались в экономическом отношении и в плане евроинтеграции. Поэтому «потеряться» в этой ситуации было очень трудно. В России в обоих случаях войны породили процессы социальной мобильности, возможность выдвижения в правящую элиту не по номенклатурному принципу, а благодаря наличию управленческих качеств.

Наверное, можно, поскольку после наполеоновских войн, завершившихся в начале XIX в., европейская цивилизация бурно развивалась, прежде всего, в направлении создания индустриального общества. Война заставила задуматься о «цене» и издержках технократического рывка. В течение четырех с лишним лет европейские страны оказались погруженными в клокущий котел военной повседневности, в котором интенсивные боевые действия сопровождались разрушениями, колоссальными военными издержками и человеческими потерями. Война вошла во все элементы общественного организма, оказала влияние на социально-экономические и политические процессы, а самое главное — определила ключевые компоненты психоментального состояния социума военного времени.

Шиловский Денис Михайлович, кандидат исторических наук, и.о. директора Института международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Если не брать профессионалов, масштабный военный конфликт очень отдаленного времени. Воспринимается где-то на уровне Отечественной войны 1812 г., в том смысле что он случился до Второй мировой, т. е. «давно». Студенты в последнее время — почему-то, видимо, из-за «совпаде-

ния» дат с разносом в столетие — так эти войны и путают. Я, как и каждый преподаватель истории, переживал по этому поводу, а потом задумался... В одном из многочисленных советских фильмов про войну, Великую Отечественную, которая и «отодвинула» Первую мировую, «Обратной дороги нет», один герой на вопрос другого «Будут помнить нас после войны?», отвечает: «Вот ты о войне 1812 г. много думаешь? А казалось бы, красивая была штука... гусары, кавалергарды, ментики, кивера». Кроме того, ускорение исторического процесса в пределах XX столетия размывает представление об этой войне, смешивает его с другими конфликтами не только первой, но и второй своей половины. Виной тому технологический прорыв, который эта война обеспечила. Не считая некоторых собственно современных типов стратегического вооружения, уже тогда, по сути, опробованы все образцы. И получается, что кавалерия, например, ассоциируется с более ранними временами, а танки — с более поздними. А уже на этом основании происходит своеобразное смешение культур, политических в первую очередь: российское самодержавие (и монархические режимы вообще) воспринимаются как проявления древности, этакий анахронизм, а демократия — безусловно современное достижение. И так, пожалуй, во всех областях восприятия. Таким образом, Первая мировая теряет свою аутентичность и исключительность.

Понятие, на мой взгляд, более литературное, чем историческое. И связано как раз с противопоставлением современного восприятия Первой мировой и тогдашнего, вернее — с постепенным изменением представления о ней. Тогда это было потрясение — такого никто не ожидал! Соответственно, и моральные травмы, а равно

физические, впервые в таких объемах сыграли свою роль, «культурный шок» был очень значительным. С другой стороны, между мировыми войнами прошло не так уж много времени. Вторая, будучи, по сути, продолжением, воспринималась уже «спокойнее». Так же необходимо помнить, что не на всех фронтах Вторая мировая велась одинаково интенсивно, использовались кардинально отличные стратегические и тактические подходы, победа и поражение выглядели совсем по-другому. А после наступил «Мировой мир»... буквально только что услышал от коллег компилятивный вывод разных трактовок украинских событий: «как же все-таки все соскучились по большой войне!». Тогда же, в конце 1940-х, сознание послевоенного поколения отвергло возможность ее повторения. В общем, свое «потерянное поколение» есть и у Второй мировой, только оно «нашлось» гораздо быстрее.

Нет, нельзя. Данный историографический казус также удобно провокативно использовать в преподавательской деятельности: история нужна для того, чтобы извлекать выводы и не повторять ошибки. Но после Первой мировой была Вторая! Назовите меня прожженным гуманистом, но военные конфликты не получается делить на более или менее жестокие – у каждой эпохи свои войны, и масштаб в плане количества стран-участниц или географии еще ничего не значит. Сравните любую средневековую «мясорубку» с «Верденской», где вы найдете больше смысла или жестокости? Опять же чисто исторически это самое развитие гуманизма шло бок о бок с развитием военных технологий и вообще военной составляющей международных отношений. Дальше все вновь упирается в вопрос: возможна ли новая мировая война? Третья или

четвертая по счету – не важно (некоторые склонны считать «холодную войну» третьей мировой). Так что война, любая, – неотъемлемая часть этого роста.

Александр Аркадьевич Гнесь, магистр лингвистики (Гейдельбергский университет), ведущий переводчик Института археологии и этнографии СО РАН.

1. Существует точка зрения, что Вторая мировая война является продолжением первой. На мой взгляд, это совершенно несправедливо. Безусловно, возникновение нацизма связано с условиями «мира» по-версальски. Но война 1939–1945 годов явилась борьбой прогрессивного человечества, включая многих граждан стран «оси», с фашизмом; это была борьба против тупикового пути развития человеческой цивилизации. При этом Первая мировая война не знала ни правых и ни виноватых. Последствия «империалистической» оцутимы и сегодня, несмотря на то что прошло уже сто лет после тех роковых выстрелов сербского террориста в друга славян эрцгерцога Франца Фердинанда. Венгрия, например, не может забыть об отторгнутых у нее двух третях территории по Трианонскому договору. Немецкоязычные граждане Италии из Южного Тироля до сих пор «не приросли» к Италии. Россия же должна чтить память о погибших на той абсолютно не нужной ей войне. Погибли люди, которые были верны присяге. Они не знали, что в странах Антанты на них надеялись лишь как на русский «паровой коток».

2. «Потерянное поколение» появилось именно после Первой мировой потому, что люди не понимали, за что они шли умирать и калечиться. Выжившие осознавали всю абсурдность пропаганды милитаризма в своих странах. Они не знали больше, кому им верить в мирной жизни.

3. Европейцы отдалились с началом Первой мировой от облагораживающего влияния классической культуры. Последняя окончательно стала достоянием избранных. В искусстве произошел переход от не лишённого романтических черт модерна к модернизму — стилю, в котором выражен протест против романтизма. Европа стала рациональнее, жестче, динамичнее. Европейская цивилизация окончательно променяла романтизм на технократию.

Вольганг Зассин, доктор технических наук, Мюнхен, Германия¹.

1. Европа окончательно потеряла свое господствующее положение в мире после Второй мировой войны. Революции, произошедшие в России и в Германии после Первой мировой (а фашизм тоже был революцией), привели к появлению вида *homo oeconomicus*. Великобритания и Франция прекратили свое существование как колониальные державы. Германия после Второй мировой войны перестала существовать как ведущая держава в политическом смысле. Она потеряла свое влияние подобно распавшейся после Первой мировой войны Австро-Венгрии. Чувство единства ведущих игроков, которые могут быть соперниками, но при этом уважают друг друга, осталось в прошлом после Первой мировой войны, и речь уже не шла о стремлении к балансу сил в Европе, который бы гарантировал ведущую роль континенту в мире. У нас, европейцев, пропало ощущение общности судеб и единства.

2. Культурные ценности, которые двигали европейцами до Первой мировой войны и за которые люди с воодушевлением шли воевать, остались в прошлом. Версальский договор ознаменовал новую эпоху. Трансформация культурных ценностей,

безусловно, сказалась и на личных отношениях: дуэли из соображений чести достоинства стали после Первой мировой немыслимым явлением. Потеря чувства собственного достоинства наблюдалась не только у немцев, но и у тех наций, которые на правах победителей унизили своих европейских собратьев. Русские и другие народы, пережившие так называемую рабоче-крестьянскую диктатуру, также стали жертвами этой культурной катастрофы. Последующим поколениям оставалось думать о выживании, и только об экономической стороне своего существования. После Второй мировой этот фундаментальный культурный надлом в том же самом виде не повторился. Ответ на вопрос о виновности в войне выглядел однозначно.

3. Нет. Говоря о том, что изменилось с периода Первой мировой войны и не из-за самой войны, можно сказать, что это горизонт восприятия. Только с помощью гуманистических идеалов невозможно поддерживать цивилизацию человечества, численность которого с конца Первой мировой увеличилась на 5 миллиардов. Постепенно становится ясно, что вера в прогресс и равенство людей сводится к правам человека. Ситуация, при которой есть общественные обязанности, которые все должны, но не все в состоянии выполнять, неизбежно приведет к необходимости фундаментальной корректировки образа жизни человека. Необходимость этих изменений ощущается давно. Корректировка морально-этической системы человечества будет болезненно протекать в течение следующего поколения. Вполне возможно, историки в середине XXI века будут писать, что в XX веке идеалы и мораль *homo sapiens sapiens* разрушались не теми, кто убивал, а теми, кто рожал.

¹ Перевод с немецкого А.А. Гнеся.

Историки **доктор Пия Баер и магистр Дитер Соргер** работают при правительстве федеральной земли Бургенланд (Австрия). В настоящий момент курируют выставку «Воюющая страна. Между окопами и внутренним фронтом» в музее земли Бургенланд².

1. Тема Первой мировой войны в настоящее время особенно широко обсуждается и как никогда актуальна. Вновь возникают вопросы о роли монархов, а также о вине за войну и о милитаристской эйфории того времени. Итогом Первой мировой явилось крушение империй и появление новых государств и государственных образований с их новыми идеологиями и идентичностями. Последнее относится непосредственно к Бургенланду, самой восточной федеральной земле современной Австрии, ставшей в результате Сен-Жерменского мирного договора одним из «искусственных» образований на основе конкурсной массы территорий венгерской части Австро-Венгрии. Таким образом, для земли Бургенланд Первая мировая война была временем рождения. После столетий венгерского подданства «бургенландец» после войны обрел новую идентичность. В отличие от Второй мировой, наша земля не была фронтовой территорией во время «Великой войны». С точки зрения дальнейшей жизни наших людей та война была лишь эпизодом, который по своему влиянию и значению никоим образом несравним с событиями Второй мировой.

2. Солдаты уходили на войну героями, а возвращались побежденными, разуверившимися и униженными. Мужчины пришли с войны в мир, в котором им было многое чуждо. Существенно изменились традиционные гендерные роли, поскольку во время

войны был запущен процесс эмансипации. Стала ощутимой смена ценностей. Послевоенное общество должно было учиться обращаться с многочисленными инвалидами и людьми с психическими расстройствами. С войной пришло ныне хорошо известное понятие о бедственном экономическом положении человека, ставшее массовым явлением.

3. Ненависть к другим нациям – нечто новое для людей того времени – стала в известной степени государственной доктриной. Первая мировая стала первой войной, в которой государственная пропаганда мобилизовала все имевшиеся в то время средства массовой информации (газеты, киножурналы, плакаты) для взращивания ненависти. Гуманистические идеалы потерпели поражение, а государство, основанное на ненависти, воспитывало последующие поколения. Таким образом, были заложены политические, идеологические и психологические основы для зарождения национал-социализма.

Ференц Ягер, г. Балатоналмади (Венгрия), ныне пенсионер, в прошлом директор средней школы и учитель истории³.

Ровно сто лет назад, летом 1914 года, началась Первая мировая война, которая изменила мировой порядок, сформировавшийся в XIX веке, и существенно повлияла на события прошлого (двадцатого) века. Война, начатая с целью захвата новых территорий, была бессмысленной бойней. Погибло несколько миллионов, среди которых тысячи венгерских солдат.

Центральные державы, возглавляемые Германией, были уверены в молниеносной войне, и кайзер Вильгельм II, надеявшийся на скорый конец войны, заявил: «Солдаты вернутся до того, как с деревьев опадут

² Перевод с немецкого А.А. Гнеся.

³ Перевод с венгерского А.А. Гнеся.

листья!» Но быстрого конца не получилось, а в четырехлетней войне не только погибли миллионы людей, но и страны подверглись расчленению с соответствующими последствиями. Хорошим примером является Венгрия, потерявшая территории по Трианонскому договору.

Дора Фабианне Морваи, г. Веспрем (Венгрия), учитель истории средней школы.

1. Результаты Первой мировой войны способствовали зарождению фашизма в Италии и национал-социализма в Германии. Фактически эта война была прелюдией Второй мировой. Первая мировая по праву считается «изначальной катастрофой XX века» из-за тех кардинальных изменений, которые она вызвала, а также из-за последствий, сказывавшихся потом долгое время после окончания войны. С окончанием Первой мировой завершилась эпоха империй. Когда у нас в Венгрии речь заходит о Первой мировой, мы всегда думаем в первую очередь о Трианонском мирном договоре, который представители нашей страны вынуждены были подписать как побежденные в Большом Трианонском дворце Версаля. Этот договор, по которому мы потеряли большую часть нашего населения, определял венгерскую политику и жизнь большинства семей нашего народа в XX веке.

2. В романе *«На западном фронте без перемен»* отражены испытания на войне добровольца Пауля Боймера и его боевых товарищей: «Эта книга не должна рассматриваться ни как обвинение, ни как признание вины. В ней должна быть предпринята попытка рассказать о представителях поколения, разрушенного войной, даже если им и удалось спастись от гранатных взрывов». Во время Первой мировой войны человек впервые столкнулся с современным ору-

жием и новой техникой. Это была война масс и машин. До войны, а также в ее начале люди не имели ни малейшего представления о том, как долго она продлится и как это все будет выглядеть. После счастливого мирного времени война явилась сильнейшим шоком. Миллионы людей, практически целое поколение, не вернулись с фронта, а вернувшиеся не были здоровы ни физически, ни психически. Война отразилась и на жизни тыла. Изменилась и роль женщин – они становились кормильцами и занимали места мужчин дома и на производстве.

3. Первая мировая и ознаменовала начало XX века. Это был поворотный момент в европейском мышлении. После счастливого мирного времени и оптимизма многим стало казаться, что все, что было раньше, являлось культурным и моральным тупиком. Первая мировая ознаменовала и начало эпохи насилия и тоталитаризма. Канули в Лету старые добродетели и ценности.

Аксель Хайне, выпускник географического факультета Гейдельбергского университета, работает в Управлении регулирования дорожного движения г. Франкфурта-на-Майне⁴

1. В этой войне люди (военные и гражданские) фактически оказались слугами технологического прогресса и подчиненными военной техники. Первая мировая война, как и другие войны, была в высшей степени бесчеловечной и жестокой, при этом ее «современная» техника привела к беспрецедентным жертвам.

2. Люди, пережившие Первую мировую войну, были травмированы и потрясены, затем им пришлось пережить мировой экономический кризис. Это же поколение пережило Вторую мировую войну, но было уже травмировано и потеряно.

⁴ Перевод с немецкого А.А. Гнеся.

3. Эта катастрофа крушения идеалов и цивилизации произошла во многом благодаря бесславной роли средств массовой информации. Они использовались в качестве «пропагандистской техники», а традиционные идеалы и понятия о морали были замещены образами врага и «современной техникой войны». Человеку была отведена роль лишь пущечного мяса.

Стефан Шнайдер, доктор философии, славист; научный сотрудник Гейдельбергского университета, Германия.

Очень благодарен редакции журнала «Идеи и идеалы», особенно Олегу Альбертовичу [Донских], что пригласили к этому очередному, в этот раз заочному круглому столу. Предпочитаю сосредоточиться на первом вопросе, попытаюсь ответить вкратце и на третий вопрос.

Позвольте сразу же указать на свой методологический подход в ответах. Хотелось бы фокусироваться на сравнительном анализе предлагаемых проблем-вопросов в плане сравнения германской (не учитывая тут специфику ГДР) и российской (в том числе и советской) перспектив. Такой подход легитимизируется, во-первых, тем, что российский общественный и научный дискурс отличаются, обобщая, от западноевропейских и американского, что, конечно, следовало бы еще доказать. А во-вторых, мой подход объясняется моей биографией. Я сохранил свое российское гражданство, но весь свой сознательный путь образования прошел в Германии. Таким образом, мой культурный контекст естественно немецко-европейский. Это не значит, что моя российская идентичность и ментальность полностью растворилась (тем более что русский язык для меня до сих пор является важнейшей частью моего мышления и моей работы), а просто немецкий ежеднев-

ный быт, немецкая культура и научная система стали для меня доминантными. Поэтому, например, атрибутивное уточнение «современников» местоимением «наших» в первом вопросе затрудняет меня не только идентифицироваться, но и лишает меня возможности серьезного анализа российского общественного мнения именно по отношению масштабности заданного вопроса.

Итак, я попытаюсь ответить на вопросы не как репрезентативный обыватель России или Германии и не как историк или филолог, а как преподаватель Гейдельбергского университета, т. е. как субъективный наблюдатель со своеобразным профилем.

Как я уже сказал предположительно, память о Первой мировой войне сохраняется у «наших российских современников» иная, чем у моих немецких. Такое предположение указывает мне мой бытовой эмпирический, преподавательский и исследовательский опыт. В данных рамках доказать это было бы сложно. Тут нужны комплексные исследования. Хочу ограничиться двумя-тремя аргументами.

Чтобы вкратце представить господствующее в российской историографии мнение о коллективной памяти россиян (и советского, и постсоветского времени) по отношению к Первой мировой и на причины, объясняющие сей феномен, достаточно привести две цитаты Е.С. Сенинской:

«[...] Первая мировая война, потрясшая до основания все российское общество, память о которой была вытеснена событиями Революции и Гражданской войны. Для русского сознания именно они объективно стали гораздо большим испытанием, заслонившим мировую войну, почему она и оказалась на периферии общественного сознания своего времени. Однако не меньшую

роль в этом “вытеснении” сыграла идеологическая политика советского государства». [Сенявская/Сенявский, 2007, с. 148].

«Таким образом, уже в ходе самой войны в сознании большинства народа закрепилась ее «непонятность», «ненужность», «непопулярность». В дальнейшем на это восприятие наложились еще более драматичные для России события – две революции и Гражданская война, а затем и отношение к Первой мировой со стороны победившей советской власти, активно и грамотно проводившей идеологическую обработку населения, в том числе и в области формирования отношения к историческим событиям, расстановке необходимых политических акцентов». [Сенявская, 2012].

Последняя цитата из статьи Сенявской, продолжающей интересное (как раз в сравнительном плане России и Запада) исследование автора «Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе», изданное в 2009 г.

Эта научная точка зрения подтверждается актуальным опросом Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 28 июля 2014 г. ВЦИОМ представил данные о том, что знают россияне о причинах начала Первой мировой войны и ее участниках. Более половины россиян (58 %) затруднились назвать причины начала войны. Официальный повод к объявлению войны – убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда – указали 15 % опрошенных. Отвечая на вопрос о том, какое государство развязало Первую мировую войну, более 37 % назвали Германию, а 47 % ответили «затрудняюсь ответить»; только 9 % опрошенных знают, что войну начала Австро-Венгерская империя. Половина опрошенных (53 %) вообще за-

труднились ответить, кто против кого воевал [ВЦИОМ, 2014].

Не учитывая возможные общие проблемы образования из опроса, все-таки следует, что большинство Россиян не очень интересуются этим периодом истории. Интересно было бы сравнить аналогичные вопросы и ответы по поводу Второй мировой войны.

Похожий опрос был проведен в Германии. Телеканал *National Geographic* ко дню 100-летия начала Первой мировой войны заказал опрос у известного немецкого центра по изучению общественного мнения *Forsa*. Более двух третей (71 %) опрошенных указали, что убийство австрийского эрцгерцога стало главным поводом для начала войны. Задавался и вопрос о точной дате войны – тут 87 % опрошенных ответили правильно [центр *Forsa* 2014б]. Еще в январе 2014 г. центр *Forsa* провел репрезентативный опрос на тему «интересуются ли немцы Первой мировой войной?» – тут оказалось, что 34 % интересуются, 35 % всех обывателей ответили «очень», и только 31 % вообще не интересуются [центр *Forsa* 2014а]. Эти результаты опросов касаются общих данных по теме. По-другому обстоит дело в отношении детальных вопросов. Это касается, например, погибших во время войны, главных политических деятелей и т. д. – тут ответы опрошенных не часто соответствовали историческим фактам [центр *Forsa* 2014б]. Этот «дефицит» знаний прокомментировал известный специалист по Первой мировой войне Йорн Леонхардт из Фрайбурга: «Многие немцы воспринимают Первую мировую войны, начавшуюся в 1914 году, вроде как предысторию или как что-то из прошлого, потому что вся современная история заслоняется комплексом проблем вокруг национал-социализма, Второй мировой

войны и холокоста [мой перевод, С. III.]» [центр *Forsa* 2014б].

Повод для размышления дает президент РФ Владимир Путин, который 27 июня в Совете Федерации заявил о том, что Россия проиграла Первую мировую войну из-за национального предательства руководителей страны [Путин, 2014]. Кроме того, президент сожалеет о том, что «наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества. Мы проиграли проигравшей Германии, по сути капитулировали перед ней, она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой» [Путин, 2014].

От канцлера Германии Ангелы Меркель можно было услышать на открытии выставки *1914–1918. Der Erste Weltkrieg* в Берлине 28 мая 2014 г. следующее: «Тогда Германию и Францию называли «заклятыми врагами», как будто тут подразумевался закон природы, а для нас с вами такая трактовка взаимоотношений кажется сегодня абсурдной [мой перевод, С. III.]» [Меркель, 2014].

Последний пример из моей преподавательской деятельности. Восемь лет я в институте переводоведения на кафедре русского языка веду разные курсы по истории России и Советского Союза. Около 200 студентов посещали эти курсы, из них больше 90 % русскоязычные, т. е. студенты в основном из России, Белоруссии и Украины. Студентам предлагалась в вариациях тема «Первая мировая война – ушедшая из памяти катастрофа. Роль России в этой войне»; студенты должны выступить с докладом и написать курсовые работы. Вот показательно, что за восемь лет только шесть студентов интересовались этой темой; из них две немки, две русскоязычные студентки и два студента, которые школу закончили в Германии.

Что касается третьего вопроса, я не придерживаюсь утверждения, что «именно Первая мировая война сломала представление о неуклонном росте европейской цивилизации в области нравственности и гуманизма». И не только из-за того, что мне не хотелось бы тут высказываться с каким-либо пафосом, с эсхатологическим привкусом. Ведь потом следовали еще такие гуманитарные катастрофы и этические уродства, как национал-социализм, фашизм, сталинизм и другие «измы» или, например, применение атомного оружия – явления, которые трудно объяснить после происшедшего во время Первой мировой войны. И тем не менее я приведу только один пример, потому что тут я более или менее хорошо ориентируюсь, мы имеем в послевоенной (т. е. вторая половина XX века) истории такое государство как Федеративная Республика Германия, которая стала, несмотря на все недостатки, достойным примером общественного строя, гражданского общества, правового государства. – И это после того, как Германия была одним из главных виновников обеих мировых войн. Конечно, и в Германии, особенно в Германии XXI века, мы наблюдаем общественный кризис в связи с экономизацией многих сфер жизни и отсутствием альтернативного общественного строя. Но это уже другая тема.

Литература

1. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2635, 28.07.2014. – URL <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114909> [дата обращения 31.07.2014].
2. Меркель А., цит. по: Schröder, Christian: Angela Merkel und der Erste Weltkrieg. Die Lehre aus dem Krieg: miteinander sprechen! // Газета *Tagesspiegel*. – 28.05.2014.
3. Путин В.В., цит. по: Путин заявил, что Россия проиграла Первую мировую войну из-

за предательства большевиков. – URL: <http://www.amic.ru/news/185057/> [дата обращения 31.07.2014].

4. Сениявская Е.С. Великая, Отечественная и Народная // Стратегия России. – 2012. – № 7 (июль). – М., 2012. – URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1343282881&archive=1343283692&start_from=&ucat=14& [дата обращения 31.07.2014].

5. Сениявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния. – В соавт. с А.С. Сениявским // Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 139–151; № 3, с. 107–121.

6. Сениявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирова-

ния в России и на Западе // Вестник МГИМО-университета. – 2009. – № 1. – С. 31–37.

7. Центр *Forsa* (2014а). – URL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/284852/umfrage/umfrage-zum-interesse-am-ersten-weltkrieg-in-deutschland/> [дата обращения 31.07.2014].

8. Центр *Forsa* (2014б) цит. по: Pressemitteilung. Forsa-Umfrage zum 100. Jahrestag des Ersten Weltkriegs: Deutsche aller Altersstufen beweisen Geschichtsbewusstsein. – URL: <http://www.presseportal.de/print/2785215-forsa-umfrage-zum-100-jahrestag-des-ersten-weltkriegs-deutsche-aller.html> [дата обращения 31.07.2014].

THE FORGOTTEN WAR

World War I in the view of our contemporaries

A hundred years from the beginning of the First World War is a good occasion to recall and rethink its significance in the history of Europe and the whole world. The journal “Ideas and Ideals” approached this subject four years ago, starting with the round table “The First World War as Cultural Catastrophe”. This publication is an attempt to demonstrate in what way this event, which greatly influenced the course of history, is reflected in the minds of our contemporaries. There are presented 11 brief interviews of the people from four countries: Russia, Austria, Hungary, and Germany – the countries participated in the First World War being at that time the parts of three empires, onto which this war made the most significant impact in Europe.

Keywords: the First World War, the memoirs about the First World War, lost generation, cultural breakdown.